

Отца, и Сына, и Св. Духа". И только исполняя заключающуюся въ этихъ словахъ заповѣдь Христа, понятую въ самомъ обширномъ смыслѣ, только объединяясь по образу Пресвятой Троицы (во имя Отца и Сына, и Св. Духа), въ исполненіи завѣщаннаго намъ Христомъ дѣла, мы и можемъ любить другъ друга, придемъ къ единству безъ сліянія, не будетъ между нами и розни, хотя мы и останемся самостоятельными личностями, хотя и не будемъ разрушать предѣловъ ни своей жизни, ни жизни другихъ. И только при существованіи личностей, при существованіи другихъ, и возможна любовь; любовь возможна только къ другому, или, лучше сказать, къ другу своему, ибо всякій другой есть другъ нашъ. Себялюбіе и самолюбіе есть искаженіе любви; Толстой не знаетъ, не понимаетъ истинной любви, онъ знаетъ только себялюбіе и самолюбіе, а потому и уговариваетъ любить другихъ на томъ лишь основаніи, что эти другіе будто-бы не что иное, какъ мы же сами.

Во второй сказкѣ, которая носитъ заглавіе „Три вопроса“, разсказывается, какъ—, „подумаль разъ царь, что если-бы онъ всегда зналъ время, когда начинать всякое дѣло, зналъ бы еще съ какими людьми надо и съ какими не надо заниматься, а, главное, всегда зналъ бы, какое изъ всѣхъ дѣлъ самое важное, то ни въ чемъ бы ему не было неудачи“. Въ концѣ концовъ за разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ царь обратился къ одному отшельнику, и отшельникъ даетъ царю такое наставленіе: „помни, что самое важное время одно: *сейчасъ*; а самое важное оно потому, что въ немъ одномъ мы властны надъ собой; а самый нужный человекъ тотъ, съ кѣмъ *сейчасъ* сошелся, потому что никто не можетъ знать, будетъ-ли онъ еще имѣть дѣло съ какимъ-либо другимъ человекомъ, а самое важное *дѣло*-ему добро сдѣлать, потому что только для этого посланъ человекъ въ жизнь“. —Но въ чемъ заключается *добро*, которое мы должны дѣлать *сейчасъ* же человеку, т. е. тому, „съ кѣмъ сейчасъ-сошелся?“. По первой сказкѣ, подъ заглавіемъ „Царь Ассархадонъ“, добро заключается въ томъ чтобы разрушать предѣлы, отдѣляющіе личную жизнь отъ единой жизни, т. е. въ уничтоженіи личностей, индивидуальной жизни; а между тѣмъ, во второй сказкѣ указывается, какъ на примѣръ, которому должно слѣдовать, —на помощь, оказанную царемъ упавшему у его ногъ человеку. Увидавъ, что въ животѣ упавшаго человека была большая рана, царь, какъ уиѣлъ, обмылъ ее и своимъ платкомъ и полотенцемъ отшельника перевязалъ ее; а затѣмъ „принесъ свѣжей воды и напоилъ раненаго“ и проч. Но изъ первой сказки мы знаемъ что страданій и смерти на самомъ дѣлѣ нѣтъ, и все это одна лишь иллюзія; если-бы были страданія, была-бы и смерть, такъ какъ страданія есть лишь умаленіе жизни, приводящее, наконецъ, и къ совершенной потерѣ ея, т. е. къ смерти, смерти нѣтъ, потому что смерть личности, индивидуума, не есть дѣйствительная смерть, а лишь разрушеніе предѣловъ, отдѣляющихъ частичку единой жизни, оторванную отъ нея, отъ этой единой жизни, и заключенную въ личности; и такимъ образомъ смерть личности есть, по Толстому, улучшение жизни;—какимъ-же образомъ помощь страждущему индивидууму, и страждущему, очевидно, только имино, потому что, —повторяемъ,— дѣйствительныхъ страданій, какъ и дѣйствительной смерти нѣтъ, —какимъ